

УДК 81'25

М. Е. Глущенко¹, А. Д. Кутыбаева²

¹ст. преподаватель, ²к. ф. н. доцент Международной Академии Бизнеса,
г. Алматы, Казахстан
e-mail: Gluchshenko1002@mail.ru, Alima_kutibaeva@yahoo.com

Перевод реалий как объект межкультурной коммуникации

Данная статья посвящена одной из актуальных проблем в теории перевода. Перевод реалий представляет собой часть глобальной проблемы передачи национального и исторического своеобразия. Благодаря переводу люди, говорящие на разных языках, могут общаться в многонациональных государствах. Перевод обеспечивает межъязыковую и межкультурную коммуникацию, а также способствует распространению различных учений и религии.

Рассматривая вопросы межкультурной коммуникации и перевода, не следует забывать, что основную роль в этих процессах играет переводчик - человек, владеющий одним или несколькими иностранными языками, который обеспечивает межкультурную коммуникацию. В статье изучаются языковые способности переводчика, как субъекта коммуникативной деятельности, произвести многочисленные и качественные межъязыковые преобразования и достичь максимальную лингвистическую степень сохранения содержания оригинала при переводе реалий.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковая компетенция переводчика, безэквивалентная лексика, перевод реалий, лексика.

M. E. Glushchenko, A.D. Kutybayeva

Translation of realias as a subject matter of intercultural communication

This article illustrates one of urgent issues in translation theory. Translation of realias is just a part of the global problem of how to convey national and historical originality. Thanks to translation, people who speak different languages are able to communicate in multinational states. It also secures inter-lingual and intercultural communication. Various doctrines and religions are spread through translation.

Considering questions of intercultural communication and translation, it should be observed that a translator plays a major role in these processes. It is a person who speaks one or several foreign languages and provides intercultural communication. The paper examines language abilities of a translator, as a subject of communicative activity, to make numerous and quality inter-lingual transformations and achieve the highest linguistic degree of preserving the content of original text during translation.

Key words: intercultural competence, linguistic competence of a translator, culture specific vocabulary, translation of realias, vocabulary.

M. E. Глущенко, А. Д. Кутыбаева

Реалиялар аудармасын мәдениетаралық коммуникация нысаны ретінде қарастыру

Бұл мақала аударма теориясындағы өзекті мәселелердің біріне арналған. Реалиялар аудармасы ұлттық және тарихи ерекшеліктерін көрсетудің жаһандық мәселелердің бір қыры болып табылады. Аударманың көмегімен әр түрлі тілдерде сөйлесетін адамдар көп ұлттық мемлекеттерде сұхбаттаса алады. Аударма тіл-аралық және мәдениетаралық коммуникация қызметін атқарады. Сонымен қатар ол әртүрлі ілімдер мен діндердің таралуына ықпалын тигізеді.

Мәдениетаралық коммуникация мен аударма мәселелерін қарастырғанда, осы үрдістердің ең маңызды рөлдің аудармашыға жүктелетінін естен шығармау керек. Аудармашы – ол бір немесе бірнеше шет тілдерін меңгерген және мәдениетаралық коммуникацияны қамтамасыз ететін адам. Осы мақалада аудармашының коммуникативті іс-әрекет субъектісі ретіндегі реалияларды аудару барысында олардың түп мағынасының сақталуын жоғары лингвистикалық деңгейде орындау қабілеті қарастырылады.

Түйін сөздер: мәдениетаралық коммуникация, аудармашының тілдік құзыреті, баламасы жоқ лексика, реалия аудармасы, лексика.

Все участники межкультурной коммуникации в процессе общения, так или иначе, сознают и учитывают свою взаимную «чуже-

родность», то есть, по словам И.Халеевой, «иной языковой код, иные обычаи, традиции, установки, повседневные способы общения». Изу-

чение и выявление общих точек соприкосновения у различных культур активно способствует международному сотрудничеству и межличностному общению представителей различных стран и народов. То есть, в конечном итоге, вносит вклад в расширение диалога культур, а, возможно, и создание такого явления как интеркультура [1].

Перевод является важнейшей частью межкультурной коммуникации. При переводе, как виде языкового посредничества, переводчику приходится учитывать две языковые картины мира, а также сопоставлять и адаптировать концептуальные картины мира двух языковых культур. В качестве основных факторов, обуславливающих переводческие трудности, выступают:

- 1) специфичность семантики языковых единиц;
- 2) несовпадение «картин мира», создаваемых языками для отражения внеязыковой реальности;
- 3) различия в самой реальности [2, 48].

Преодоление этих трудностей напрямую связано с представлениями переводчика как человека, обладающего знаниями, о языковых единицах взаимодействующих языков, а также о фактах жизни взаимодействующих обществ. Переводчик выступает не просто в роли механизма для трансформации единиц одного языка на другой, но и в качестве полноправного участника межъязыковой коммуникации, как значимый посредник. Это означает, что его функции очень часто сводятся не только к «просто переводу», но включают в себя прагматическую адаптацию, социо-культурологические и исторические комментарии. При этом переводчику необходимо проводить четкую границу между знаниями, универсальными для большинства людей, и знаниями, специфичными для представителя данной культуры и социального слоя; осознавать и учитывать различия в категориальных представлениях различных культур и народов, не говоря уже о речевом этикете и конвенциональных нормах и узусах.

В различных работах по теории и практике перевода исследовалось, в частности, воздействие, оказываемое культурологическими факторами на процесс перевода, а также на адекватность восприятия перевода текста, созданного в рамках одной культуры, представителями другой культуры. Отмечалось, что многие лингвистические проблемы перевода культурно детерминированы и, наоборот, иногда

некоторые социо-культурные и этнографические проблемы перевода могут быть решены с помощью только лингвистических средств. Тем не менее, роль фоновых знаний как важнейшего фактора понимания текста, с одной стороны, и культуры народа, с другой стороны, изучена еще недостаточно. При этом многие исследователи подчеркивают значимость тех аспектов процесса перевода, в которых принципиально важными являются расхождения между культурами, в то время как в той же, а может, и в большей степени важными в современных условиях являются аспекты, общие для рассматриваемых культур и объединяющие их.

Перевод реалий представляет собой часть глобальной проблемы передачи национального и исторического своеобразия, которая восходит, вероятно, к самому зарождению теории перевода как самостоятельной дисциплины. О реалиях, как о показателях колорита, заговорили лишь в начале 50-х годов. Л.Н. Соболев в 1952-м году употребляет термин «реалия» в современном его понимании и даже дает ему достаточно выдержанную дефиницию [3, 290]. О реалиях также пишет Г.В. Чернов, который, однако, преимущественно пользуется названием «безэквивалентная лексика» [4, 223]. А.Е. Супрун рассматривает реалии как «экзотическую» лексику [5, 231].

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что данную проблему в той или иной степени рассматривали все теоретики перевода.

Само слово «реалия» происходит от латинского прилагательного среднего рода множественного числа *realis*, -e, *realia* — «вещественный», «действительный», которое превратилось под влиянием аналогичных лексических категорий в существительное женского рода. Этим словом обозначают материально существующий или существовавший предмет, нередко связывая его по смыслу с понятием «жизнь»; к примеру, «реалии европейской жизни». Согласно же словарным определениям, реалия есть «всякий предмет материальной культуры», «в классической грамматике разнообразные факторы, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке», «предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова». Таким образом, в переводе термином «реалия» обо-

значают слова, называющие упомянутые выше предметы и понятия.

Понятие «перевод реалий» дважды условно: реалия, как правило, непереводаема (в словарном порядке) и, опять-таки, как правило, она передается (в контексте) не путем перевода. А.В. Федоров писал, что «нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т. е. пространственным сочетанием слов данного языка» [6, 182].

Как правило, переводчики сталкиваются с двумя основными трудностями передачи реалий: отсутствие в языке перевода эквивалента по причине отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией референта и необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) - её национальную и историческую окраску.

Реалии иноязычных культур принято объединять под понятием «ксенонимы». При таком подходе «Палата лордов», «Таур», «Лондон» - ксенонимы англоязычной лингвокультуры в русском языке; Moscow, tsar, troika, borshch, balalaika, samovar – ксенонимы-русизмы в английском языке. Ксенонимы по своим функциям близки к терминам: ксенонимы так же, как и термины, в большинстве своем являются именами существительными, они также лишены многозначности, синонимии и омонимии, и являются краткими. Все эти характеристики необходимы для адекватного выполнения ксенонимами функции наименований элементов внешней культуры. Ксенонимы так же, как и термины, относятся к специальной области знания (с точки зрения носителей иноязычной культуры). В качестве примера можно привести использование бытовой лексики, как важнейшего элемента культуры любого народа.

Традиционно лексикологи выделяют среди бытовой лексики названия одежды, обуви, предметов обихода, названия кулинарных блюд, названия денежных единиц, а также иную лексику, используемую в обиходном общении. Однако под бытовой лексикой рассматривается широкий спектр тем, которые присущи любой культуре, и с которыми неизбежно сталкиваются люди при посещении страны. Это, прежде всего, гостиницы (lux, polulux, turbaza etc.), общественный транспорт (marshrutka, GIBDD, provodnitsa), покупки, деньги (uslovnye yedinitiy, bankomaty, rubli) кулинария

(bliny, zakuski, bufet, shchi, Kiev chicken, etc.), различные общественные институты, с которыми приходится иметь дело иностранцам в России и Казахстане (UFMS, OVIR, glavpochtamt, skoraya pomosh, apteka etc.). а также духовный мир русских и казахов с национальными традициями, праздниками и т.д. (dacha, banya, venik, Noviy God, Paskha, Nauriz, beshbarmak etc.)

Первая проблема, о которой стоит упомянуть, – это написание русизмов в англоязычном тексте. При этом следует учесть, что многие русизмы, вошедшие в словари английского языка, часто имеют традиционное написание, сложившееся исторически под влиянием различных факторов, например: Cossack, Crimea, Moscow, Russia, steppe, Tchaikovsky (сравните с написанием фамилии Chekhov, где звук [ч] передаётся другим способом), имена русских царей, начиная с Петра Великого – Peter the Great, Catherine, Paul, Alexander, Nicolas, а также многие другие русизмы. Вместе с тем, часто в текст приходится вводить неассимилированное заимствование из русского языка, которое, в соответствии с правилами международного общения, передается с помощью формальной транслитерации, когда педантично буквы русского алфавита заменяются буквами латинского алфавита, в соответствии с принятой нормой транслитерации. В англоязычных текстах при описании русской культуры используется либо система Library of Congress (US), либо British Standard (UK). При этом, если в отношении согласных звуков соблюдается чёткая традиция, то в отношении «йотированных» русских звуков и способов передачи буквы «ё», традиция не соблюдается.

В качестве одной из основных проблем в обучении английскому языку, в контексте межкультурной коммуникации, можно выделить подбор адекватной лексики. При описании любой культуры и реалий жизни обычно сталкиваются с отсутствием в английском языке адекватной лексики для передачи многих русизмов, так как каждый язык, в первую очередь, нацелен на свою внутреннюю культуру и, соответственно, наилучшим образом приспособлен именно к специфике данной культуры. В словарях английского языка встречается достаточно большое количество русизмов, что свидетельствует о том, что они входят в слой общеупотребительных слов. Достоинством этих русизмов является то, что

они не нуждаются в пояснении: Altai, balalaika, beef Stroganov, Chekhov, commissar, dacha, Five Year Plan, glasnost, Gorbachev, Gulag, intelligentsia, shashlik, Kalashnikov, KGB, Khrushchev, knout, troika, pogrom, tundra, tsar/czar, War and Peace, Yalta (conference), Yel'tsin. Однако в ряде словарей, помимо транслитерации, даётся ещё и дефиниция. Небольшая выборка из Longman Dictionary of Contemporary English свидетельствует о том, что не всегда дефиниции точны и адекватно передают суть явления:

Bolshevik :

1) someone who supported the Communist party at the time of Russian Revolution in 1917

2) old-fashioned: an insulting way of talking about a communist or someone who has strong left-wing opinion

Gulag - one of a group of prison camps in the former USSR, where conditions were very bad

Dacha - a large country house in Russia

Передача значения понятия «ГУЛАГ» является совершенно неверной, так же как и передача значения слова «дача» как country house или country cottage, тем более что в современной России эти слова приобрели прямое значение, такое же, как в английском языке – загородный дом. В известном словаре The Oxford Russian-English Dictionary мы встречаем следующий перенос значения:

дача

1) dacha (holiday cottage in the country in the suburb of the city or large town)

2) forestry, piece of woodland

Как видим, ни один из приведённых примеров не передаёт суть столь важной реалии российской жизни, как «дача». А вот как описано это явление в путеводителе по России, изданном известным издательством Lonely Planet: “At least 30% of Russians have one of these small country homes. Often little more than a bare bones hut (but sometimes quite luxurious) these retreats offer Russians refuge from city life and as such figure prominently in the national mentality. On half-warm weekends, places such as Moscow begin to empty out early on Friday as people lead to the country.

One of the most important aspects of dacha life is gardening. Families grow all manner of vegetables and fruits to eat over the winter. A cherry tree will be fussed over for years; hearty crops of potatoes and cabbage will be nurtured through the summer. Flowers also play an important part in creating the proper dacha ambience, and even among people who have no need

to grow food the contact with the soil provide an important balm for the Russian soul.”

Итак, в английских словарях встречаются русизмы, которые якобы не нуждаются в пояснении, но как мы видим, имеющиеся пояснения не всегда точны.

Вторую группу русизмов образуют те, которые сравнительно редко встречаются в популярных текстах и при их упоминании в ходе межкультурного общения нередко нуждаются в пояснении: “This “False Dmitry” gathered a huge ragtag army as he advanced on Moscow. Boris Godunov conveniently died, his son was lynched and the boyars acclaimed the pretender tsar. Thus began the Time of Troubles, or Smuta, a spell of anarchy, dynastic chaos and foreign invasions.” В данном примере видно, что слова tsar и boyars вводятся без какого-либо пояснения, что свидетельствует об их ассимиляции в английском языке, слово “False Dmitry” является калькой, “Time of Troubles” - также калька, Smuta - транслитерация, но при этом в тексте присутствует и дефиниция, в общих чертах объясняющая суть Смутного времени.

Для передачи русизмов в словарях используются разные приёмы – транслитерация, дефиниция, калька, но наиболее часто, всё же, встречается транслитерация с последующей дефиницией. В значительном большинстве случаев приходится решать, какой выбрать способ англоязычной передачи элемента русской культуры: использование русизма, имеющегося в словарях английского языка, транслитерация с последующим описанием термина, калька и т.д., а при прохождении каждой отдельной темы учителю следует давать вокабуляр наиболее употребительных русизмов; учащиеся же в процессе работы могут создавать свой русский лингвострановедческий словарь.

Однако наиболее остро данная проблема встает при передаче русских реалий в англоязычных путеводителях.

Проведя анализ, можно сделать следующие выводы:

В ходе прямого межкультурного диалога, который неизбежно возникает при контакте представителей различных культур, формируется специализированный язык — язык межкультурного общения.

Современное языкознание обозначило новый подход к языку как средству доступа к ментальным процессам, что предопределяет стремление исследователей обнаружить корре-

ляции между единицами сознания и объективирующими их языковыми знаками.

Система смыслов, представленная в текстах на исходном языке и языке перевода, для переводчика, как интерпретирующего субъекта, является отражением основных способов познания коммуникантами окружающей действительности, что позволяет квалифицировать перевод как речемыслительный процесс. Следовательно, любые пути анализа этого процесса дают дополнительную информацию о сущностных особенностях речевой деятельности в целом.

Таким образом, суть посреднической деятельности переводчика направлена на «формирование интегративных когнитивных структур, активизирующих коррелирующие познавательные пространства индивидов с разным этническим сознанием. Под интегративностью понимаются признаки, ориентиры, т. е. разнообразные функциональные опоры в речевой деятельности на двух языках, которые с разной степенью операциональности обеспечивают вероятностную актуализацию репрезентируемого ментального содержания в сознании коммуникантов».

Выбор пути зависит от нескольких предпосылок: от характера текста, от значимости реалии в контексте, от характера самой реалии, от самих языков и от читателя перевода (по сравнению с читателем подлинника).

Особую сложность вызывает, как правило, перевод исторических реалий. Следует помнить о том, что об исторических реалиях говорят обычно не как о специфической группе лексики, а скорее с учетом исторической отнесенности реалий к той или иной эпохе, не теряя из виду их предметного содержания, которое связывает их с соответствующими рубриками предметной классификации.

Литература

- 1 Халева И.И. Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия (Из опыта подготовки переводчиков) // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации (Сб. научных трудов МГЛУ – Вып. 444). – М., 1999.
- 2 Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: Изд-во «ЭТС», 2000. – 48 с.
- 3 Соболев Л.Н. О переводе образа образом // Вопросы художественного перевода. – М., 1955. – С. 290-295.
- 4 Чернов Г.В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык // Ученые записки 1-го МГПИИЯ, т. XVI. – М., 1958. – С. 223-228.
- 5 Супрун А.Е. Экзотическая лексика. – М.: ФН, 1958. – 231 с.
- 6 Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1968. – С. 182-359.
- 7 Андрус А.Л. Дистанция времени и перевод. – М.: МП, № 5, 1966. – 128 с.

References

- 1 Haleeva I.I. Interkul'tura – tret'e izmerenie mezhkul'turnogo vzaimodeystviya (Iz opyta podgotovki perevodchikov) // Aktual'nye problemy mezhkul'turnoy kommunikatsii (Sb. nauchnykh trudov MGLU – Vyp. 444). – М., 1999.

Так что перевод исторических реалий — это по существу передача исторической окрашенности этих слов в дополнение к их материальному содержанию и другим видам коннотаций.

Историческими могут стать и становятся многие реалии. Например, исторически окрашенные реалии часто встречаются среди военных реалий: слова, обозначающие всевозможные военные объекты, либо термины. Исторические реалии переводчик может встретить и у старых авторов (условно говоря, в архаических произведениях), и в произведениях современных писателей, но рисующих далекое или близкое прошлое, - архаизованных. Различия между теми и другими требуют и разного подхода при переводе реалий в них.

А.В. Федоров очень четко определил цель перевода подлинно архаического произведения: «ознакомить современного читателя с литературным памятником, который в момент своего создания, то есть для читателя своей эпохи, тоже был современным», – цель, которая «предполагает использование в основном современного языка в переводе, хотя бы и с отбором словарных и грамматических элементов, которые в известных случаях позволяли бы соблюсти нужную историческую перспективу» [6, 359].

В заключение, хотелось бы процитировать известного переводчика А.Л. Андрус: «В искусстве перевода, как и во всяком другом искусстве, не может быть готовых эталонов, раз и навсегда определенных правил и решений. Не может быть единого решения и в вопросе о том, должен ли переводчик, при воспроизведении смысла оригинала произведения, отделенного от нас известной исторической дистанцией, дать почувствовать современному читателю эту дистанцию и в какой мере он должен это делать» [7, 128].

- 2 Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie*. – M.: Izd-vo «ETS», 2000. – 48 s.
- 3 Sobolev L.N. O perevode obraza obrazom // *Voprosy hudozhestvennogo perevoda*. – M., 1955. – S. 290-295.
- 4 Chernov G.V. K voprosu o peredache bezekvivalentnoy leksiki pri perevode sovetskoy publitsistiki na angliyskiy yazyk // *Uchenye zapiski 1-go MGPIIYa, t. XVI*. – M., 1958. –S. 223-228.
- 5 Suprun A.E. *Ekzoticheskaya leksika*. – M.: FN, 1958. – 231 s.
- 6 Fedorov A.V. *Osnovy obschey teorii perevoda*. – M.: Vysshaya shkola, 1968. – S. 182-359.
- 7 Andres A.L. *Distantsiya vremeni i perevod*. – M.: MP, № 5, 1966. – 128 s.